

НАУКА – ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

УДК 39

© С.В. Чешко

ПРОЕКТ УЧЕБНИКА «ЭТНИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ»

Автор обращается к актуальной для отечественной науки задаче создания качественного учебного пособия по этнологии. В контексте этой задачи он рассматривает некоторые важные проблемы развития этнолого-антропологических дисциплин, которые он предлагает объединить понятием «этническая антропология».

В статье излагаются принципы построения (четырёхтомного) учебника, учитывающие отечественные традиции высшей школы и академической науки, современные мировые тенденции, приводится примерная структура издания. Статья рассчитана на обсуждение коллег.

Ключевые слова: этническая антропология, обучение студентов, учебные пособия.

Помнится, мы как-то обсуждали с безвременно ушедшим из жизни Алексеем Алексеевичем Никишенковым, в бытность его заведующим кафедрой этнологии Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (а я тогда работал заместителем директора ИЭА РАН), идею создания совместно Институтом и кафедрой учебника по этнологии. Имелось в виду написание трех компактных томов по этнографическому страноведению, общим и теоретическим вопросам и истории этнологии.

Мы исходили из того, что хорошо бы навести некоторый порядок в том «плюрализме», который установился с начала 1990-х годов в преподавании этнологии в ВУЗах страны, особенно в трактовке сложных и дискуссионных вопросов теории и методологии, этнополитических проблем. Разумеется, речь могла идти не о претензии на утверждение некоего монизма в этой области, что было бы и невозможно в условиях исчезновения идеологической монополии исторического материализма, а о том, что два авторитетных этнологических центра страны предложили бы свой стандарт. А вышедшие к тому времени учебники, подготовленные на кафедре – «Этнология» (1994) [1] и «Основы этнологии» (2007) [2], – оставляли немало вопросов у специалистов. Что касается ИЭА РАН, то его сотрудники, преподававшие в различных учебных заведениях, издали несколько учебных пособий на базе своих спецкурсов [см., напр., 3; 4; 5; 6]: вполне добротных, выполненных на высоком профессиональном уровне, но, на мой взгляд, не очень пригодных для обучения студентов пособий по причине их узкой специализации, часто неразумно объемных, написанных сложным языком, трудно воспринимаемых для еще не подготовленных учеников. Скорее, они больше походят на обычные монографии. И, может быть,

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

главное, все это творчество не было встроено в какую-то логичную систему преподавания этнологии, что дополнительно усугублялось валом учебников по новоиспеченной «культурологии», социальной антропологии и другим модным дисциплинам, за названиями которых чаще всего скрывалось что-то, не очень похожее на их зарубежных тезок. Позже (в 2014 г.) и я выпустил свой учебник [7], который в целом получил положительные отзывы, но, конечно, тоже оставил вопросы (не говоря уж о досадных недосмотрах в тексте), в том числе, и у меня самого. А критиковали его, главным образом, за то, что он был выдержан во многом в духе знаменитых токаревских учебников, которые наиболее «продвинутыми» учеными воспринимались как безнадежно устаревшие – не столько по материалу, сколько по его преподнесению и трактовке (с чем и я отчасти согласен).

Наше с Никишенковым обсуждение закончилось ничем, хотя, казалось бы, при наличии специалистов высшего уровня и огромного опыта в научной и научно-педагогической деятельности, реализация этой идеи не была неразрешимой проблемой. Все эти факторы, о которых говорилось выше, сыграли решающую роль: в общем, не было желания что-то и как-то иначе сделать. И что скрывать, на серьезные образовательные проекты не имелось стимулов в виде надбавок к зарплате, грантов, которые тогда не давали на создание учебников. Научные сотрудники в массе своей были озабочены, в первую очередь, проблемой выживания, а отчасти, в силу этого же, видимо, и потому, что за 1990-е годы они отвыкли от коллективного творчества, постановки важных для науки задач.

А проблема осталась. И она становится все более актуальной по мере изменения исследовательского поля, острых дискуссий по поводу объектно-предметной области нашей дисциплины, ее методологии и методики, концептуальных ориентиров, даже самой возможности что-то исследовать и праве интерпретировать полученные данные со стороны, извне – учеными, не являющимися членами изучаемых сообществ: тут уж даже «включенное наблюдение» не поможет, все равно ничего не поймешь. Да и сама наука этнология имеет тенденцию растворяться в новых идеях, эпистемологических парадигмах, дисциплинах и субдисциплинах. Кстати говоря, нечто подобное происходило и в американской антропологии в 60–70-е годы прошлого столетия [8: 205 и др.].

С наличием отмеченных проблем согласны, кажется все, пишущие об этих проблемах, а вот с высказанными мною озабоченностями – далеко не все, а возможно, и не большинство коллег, особенно представляющих молодое поколение исследователей, воспитанных на критике советского этнографического наследия.

Ко всему этому неожиданно добавился еще один фактор, не столь, может быть, угрожающий, но все же вызывающий некоторые опасения, поскольку он исходит от чиновников, назначенных на руководство наукой, и, как водится, способных довести любую идею, если она исходит от вышестоящих начальников, до абсурда. Это – требование стремиться к междисциплинарным исследованиям, которым теперь отдается приоритет при составлении планов и отчетов о научной работе, распределении грантов.

Стремление-то здоровое, и современная наука без кооперации, видимо, невозможна. Но вот вопросы – в каких формах она должна осуществляться, насколько она реальна и целесообразна в гуманитарных науках, как междисциплинарность может соотноситься с другой несомненной тенденцией – углублением научных знаний, которое до некоторой степени способствует усилению специализации соответствующих научных дисциплин? Сегодня же, похоже, никто на эти вопросы не готов от-

ветить; соответственно, неясно, как и где следует готовить специалистов, способных проводить действительно междисциплинарные изыскания [подробнее см.: 9]. Понятно, что время энциклопедистов давно прошло, а механически соединять узко ориентированных в своих дисциплинах специалистов в творческих коллективах для решения каких-то важных задач бесполезно – начиная с того, что все будут по-разному понимать эти задачи, да и сам предмет исследования.

Это наглядно демонстрируют, например, многочисленные и чаще всего неудачные попытки экспансии в традиционные этнологические проблемы, понимание которых невозможно без профессиональной подготовки. Обычно этим увлекаются философы, культурологи, специалисты в области социально-политических наук, искусствоведы, психологи и др.

Кажется, у Валентина Катаева есть такой рассказ. В каком-то ведомственном санатории собрался научный и писательский бомонд. Во время дружеского застолья крупный специалист в области артиллерийского вооружения, лауреат всяческих премий, обратился к сидевшему рядом крупному писателю, тоже лауреату, – мол давайте напишем в соавторстве какую-нибудь книгу (неважно какую). На это литератор ответил: хорошая мысль, но есть встречное предложение – давайте совместно придумаем какой-нибудь новый пушечный снаряд. Артиллерист был, к тому же, умным человеком и понял свою ошибку.

У нас нередко происходит иначе. Не помню, чтобы кто-то из этнологов пытался вторгнуться в область компетенции перечисленных выше или других наук, а вот коллеги имеют обыкновение рассказывать этнологам, что такое этнос, этничность и тому подобные вещи. Впрочем, возможно, и не стоит очень сильно упрекать их за самонадеянность и дилетантский снобизм. Этничность оказывается настолько синтетическим явлением, само способное вторгаться в самые разные сферы жизни человека, которые изучают представители соответствующих научных дисциплин, что они могут найти в нем каждый что-то «свое». И уж, конечно, нельзя принять шовинистический пафос С.М. Широкогорова, который писал: «Этнология является венцом знания человека» [10: 13]. Но ведь сегодня это его утверждение выглядит даже не лишенным некоторой актуальности (по принципу «от противоположного») в свете тенденции парцелляризации этнологии и низведения ее до уровня, по сути, вспомогательной дисциплины для уже другой супернауки – антропологии.

Даже столь краткий и, разумеется, субъективный анализ некоторых важных проблем современной этнологии наводит на мысль о том, что разобраться с ними невозможно без построения основы – вузовского профессионального образования. Наблюдая в течение многих лет абитуриентов, поступающих в аспирантуру ИЭА РАН, невольно приходишь к заключению, что в этой области многое делается бессистемно и, к сожалению, непрофессионально. Есть абитуриенты, блестяще подготовленные, способные думать даже на вступительном экзамене и – что сегодня почти невероятно – отвечать по билету без шпаргалки. Кстати, шпаргалки у нас в Институте давно легализованы, поскольку они обычно не спасают – всегда можно понять, что реально знает и на какие мыслительные действия способен молодой человек. А вот значительная часть поступающих демонстрирует отсутствие систематизированных знаний, склонность к начетничеству под влиянием тех учебников, по которым им читались какие-то курсы, более или менее связанные с этнологией (зачастую, весьма отдаленно связанные), или которые им удалось раздобыть при подготовке к экзамену.

Повторю, я не клоню к необходимости установления какого-то обязательного образовательного стандарта по этнологии. Речь может идти, скорее, лишь о некотором упорядочивании этнологического образования посредством выработки хотя бы весьма общих методологических ориентиров. А начинать надо, видимо, с достижения некоего консенсуса в вопросе о нашем дисциплинарном поле и наименовании самой дисциплины, определении ее места в системе общественных наук.

Вероятно, это пожелание может восприниматься как призыв вернуться в 1990-е – начало 2000-х годов, когда мы с энтузиазмом дискутировали о теоретико-методологических проблемах этнологии, о советском научном наследии и концептуальных вехах их-за рубежа. Ни к чему особенно конструктивному эти дискуссии не привели, за исключением разве что утверждения в отечественном понятийном аппарате расширенной трактовки *антропологии*, замене *этнографии* на *этнологию* и переименовании Института этнографии в Институт этнологии и антропологии. А выходящие сегодня на эту тему редкие статьи могут выглядеть, наверное, как бесполезное перемалывание старых и уже не очень актуальных сюжетов. Я бы тоже, наверное, так реагировал на подобные публикации лет этак 15–20 назад. Но прошедшие годы постсоветского развития отечественной этнологии, часто походившее на броуновское движение, показывает, что интеллектуальный анархизм не может быть долговременной и прочной основой для развития и, прежде всего, для подготовки научных кадров.

Так вот, возвращаясь к теме о создании программ и учебных пособий по этнологии, сразу же возникает проблема, а как назвать такой учебник. Мой собственный учебник называется «Этнология и социальная антропология» [7]. Но это название было заранее определено техническим заданием – учебник заказывало издательство – и вызывает вопросы по части науковедения и методологии, которых я касался выше. Вариантов названий подобных изданий немало, но все они сводятся к различным комбинациям терминов «этнология», «антропология», «социальная антропология», «культурная антропология», «социальная/культурная антропология» и т.п. Не беру учебники по культурологии, поскольку это понятие в нашей сегодняшней интерпретации и репрезентации чаще всего не несет в себе ничего, кроме абстрактной софистики.

Главная коллизия в современной отечественной науке состоит в соотношении понятий «этнология» и «антропология» и их дисциплинарных особенностей. Различия действительно есть, хотя в «обыденном» сознании многих научных сотрудников эти понятия откладываются почти как синонимы – хотя бы для простоты дела, чтобы каждый раз, говоря о науке и научных исследованиях, не обременять себя и не перегружать текст комбинированными конструкциями. Но для целей высшего профессионального образования требуется определенность, потому что за терминологическим «номинализмом» стоит содержание научной дисциплины.

Если приходится выбирать, то я предпочитаю употреблять понятие «этнология», но любой однозначный выбор в этом вопросе чреват неточностью. «Этнология», по сути, предписывает во всем, что она изучает, искать этнические сюжеты, даже если они не имеют явной этнической специфики (специфика может быть, например, культурной, социокультурной, религиозной и пр.). Собственно, в советское время – во всяком случае, в те уже довольно далекие времена, когда я пришел в Институт этнографии АН СССР – так оно зачастую и было. Помню, при обсуждении, например, тем диссертационных исследований часто звучал строгий вопрос «а где тут этнография?». Такой подход сужает исследовательское поле. При ориентации на понятие «антропология» есть вероятность

оттеснения на второй план, а то и исключения из исследования этнической проблематики и превращения антропологии в ту самую супернауку, изучающую все на свете.

Я рискну предложить коллегам понятие *этническая антропология* (*этноантропология*), как некий, более или менее приемлемый компромиссный вариант, до некоторой степени смягчающий «конфликт интересов» между этнологией и антропологией.

Одно из возражений, помимо тех, которые касаются самой сути проблемы, может заключаться в том, что *этноантропология* означает понижение статуса науки до уровня субдисциплины (или исследовательского направления) этнологии и антропологии, наподобие этнической социологии, этнической психологии, этнической сексологии, политической антропологии, юридической антропологии, медицинской антропологии и множества прочих аналогичных «логий», которые появились в последние десятилетия.

В таком возражении есть логика, но можно посмотреть на этот вопрос иначе. Есть *физическая (биологическая) антропология*, *социальная (социокультурная) антропология*. А если еще будет *этническая антропология*, то сама *антропология* получит законченную структуру, включающую три ее разновидности, каждая с собственной спецификой.

Позволю себе еще одно попутное, но немаловажное, на мой взгляд, замечание, касающееся давних споров о соотношении этнологии и истории в номенклатуре наук. Мне кажется не очень уж существенным, оставлять ли этнологию, неважно, как ее называть, в системе исторических наук или предоставлять особый и самостоятельный статус. Но вот преподавать этнологию целесообразно на исторических факультетах университетов – при условии, что сам уровень преподавания исторических дисциплин там достаточно высок. Фундаментальное историческое образование для будущих этнологов сегодня заменить нечем.

* * *

Получилось, наверное, довольно пространное вступление в тему, ради которой и затеяна настоящая статья. В действительности я только прошелся по некоторым проблемам, чтобы пояснить мое видение возможного учебника по *этноантропологии*.

Прежде всего – о некоторых принципах, на которых должно, по моему мнению, основываться учебное пособие.

1. **Краткость и доступность** материала для восприятия студентами. Многие из попадавшихся мне учебников оставляют впечатление, что авторы писали их для себя, для собственного самовыражения, мало заботясь о тех, для которых их сочинения предназначены, и для каких целей. А предназначены они для того, чтобы сформировать в головах студентов минимально необходимую базу данных о предмете, дать представление об основной проблематике, помочь в выработке умения (пока только умения – навыки приходят с опытом) мыслить категориями данной научной дисциплины, наконец, чтобы подготовиться к экзамену. Поэтому учебник не должен быть очень раздутым, чтобы его можно было хотя бы успеть прочитать, и очень «заумным» по части терминологии и манеры изложения методологических и теоретических сюжетов. Говорить о сложном доходчиво, «нормальным» языком, а желательно, и интересно, – это, конечно, особое и ценное качество, связанное с умением вылавливать суть вещей и облекать ее в четкие формулировки.

2. Необходимо ограничивать свою **авторскую позицию**, полет творческой мысли. Это не значит обезличивать, выхолащивать текст, превращая его в сводку фактических данных. Напротив, студентов надо учить мыслить, разъясняя сложные темы, но представляя свое их видение, следует давать и другие точки зрения, разъясняя, в чем их особенности, достоинства и недостатки. Разумеется, тексты не должны противоречить друг другу, если учебник написан несколькими авторами и их разделы в чем-то пересекаются тематически.
3. **Учебник не должен быть учебником** – в том смысле, что он не должен внедрять в головы студентов представления о том, что «правильно», а что «неправильно» в науке, в различных интерпретациях рассматриваемых проблем. За одним-единственным исключением: при изложении этих проблем следует показывать, что в науке есть только императив аккуратного обращения с эмпирикой, выстраивание логичных причинно-следственных связей, аргументированность в критике. Одна из задач авторов состоит, наверное, в том, чтобы отучать студентов от школярства.

Содержание учебника может выглядеть примерно так.

**«Этническая антропология. Введение в специальность. В 4-х томах»
(каждый том – до 15 а. л. + илл.)**

Этническая антропология. Том 1. Основы этнолого-антропологических наук.

Введение к изданию.

Предисловие к тому.

Гл. 1. *Объектно-предметная область. Понятийный аппарат.*

Гл. 2. *Место этноантропологии в системе общественных наук.*

Связь этноантропологии со смежными науками. Использование данных физической (биологической) антропологии, археологии, географии, языкознания, социологии, психологии. Анучинская триада в контексте современного развития науки. Междисциплинарность.

Гл. 3. *Географическая база этноантропологии.*

3.1. Краткие сведения по физической географии земного шара, политической и экономической географии.

3.2. Культурная география.

Распространение культурных черт и комплексов по регионам мира. Роль культурной конвергенции, дивергенции, культурных заимствований, миграций.

Гл. 4. *Основы физической антропологии.*

Принципы классификации. Антропологическая классификация.

Гл. 5. *Значение археологии для этнологических исследований.*

Гл. 6. *Основы языкознания.*

Языковые классификации. Социоллингвистика.

Гл. 7. *Соотношение этноантропологии с общей и прикладной социологией.*

Гл. 8. *Этнопсихологические методики.*

Гл. 9. *Комплексность методики этноантропологических исследований.*

Глоссарий.

В данном томе сосредоточены общие сведения об этноантропологии, ее методологии, а также о тех «подкладочных» областях научных знаний, на которых базируется наша дисциплина, а отчасти и выросла из них.

Название параграфа «Культурная география» – это моя придумка. А сам он предназначен для того, чтобы показать культурную дихотомию человеческого мира – с одной стороны, его разнообразие, с другой стороны, сходные способы культурной адаптации в сходных условиях окружающей среды, а с третьей стороны, роль межкультурных взаимодействий посредством миграций, обмена, войн и пр. Приставку «этно-» я специально здесь не использовал, поскольку речь идет именно о культуре, безотносительно от этнических характеристик ее носителей, создателей и обладателей. Но если подобных разделов, насколько я знаю (но не гарантирую, что это так), в других учебных пособиях по этнологии нет, то включенные в него темы не так уж и новы: можно вспомнить, например, «культурные ареалы» и «пищевые ареалы» А. Крёбера и К. Уисслера, «хозяйственно-культурные типы» Н.Н. Чебоксарова и М.Г. Левина.

Этническая антропология. Том 2. Этнографическое страноведение доиндустриальной эпохи.

Глава 1.

Народы Африки

Глава 2.

Народы Австралии и Океании

Глава 3.

Народы Юго-Восточной Азии

Глава 4.

Народы Южной Азии

Глава 5.

Народы Восточной и Центральной Азии

Глава 6.

Народы Юго-Западной Азии

Глава 7.

Народы Средней Азии и Казахстана

Глава 8.

Народы Кавказа

Глава 9.

Народы Сибири и Дальнего Востока

Глава 10.

Народы Америки: общие сведения

Глава 11.

Народы Америки: традиционная культура

Глава 12.

Народы Зарубежной Европы

Глава 13.

Восточнославянские народы

Глава 14.

Народы Европейской части России

Здесь воспроизведена географическая группировка народов, к которой я прибегнул в своем учебнике; поэтому просто привожу и аргументацию.

«Принятый много десятилетий назад порядок следования тем – народы Австралии и Океании, затем народы Юго-Западной (Передней Азии) и т.д. – как раз и страдает недостаточной логичностью с точки зрения географии и этнографической последовательности. В настоящей работе на первое место поставлена Африка как континент, где происходили начальные процессы антропосоциогенеза, а за ним следуют темы, приблизительно соответствующие векторам расселения человека по миру. Правда, Австралия и Океания не были регионами, заселенными непосредственно из Африки. Но они поставлены на второе место с тем, чтобы не разбивать азиатский материал.

При апробации работы высказывалось мнение о том, что открывать блок по регионам должен раздел по русским – структурообразующему народу России. Однако этот подход представляется нецелесообразным: этногенез и развитие культуры русских тесно связаны с Европой (азиатское влияние – это отдельный вопрос), а начинать этнографические описания с европейского континента было бы неверно с учетом хронологии возникновения и развития мировых цивилизаций и культур.

Американская тематика разделена на две части, поскольку охватить весь материал по обеим Америкам в одном разделе не представляется возможным. В то же время, сведения обо всех народах ныне Зарубежной Европы, включая южных и западных славян, составляющих отдельный, специфический этнокультурный мир, объединены в один раздел. Мы отказались от традиционного группирования по принципу «народы России» – «сопредельные страны». Современные реалии побуждают перейти от политико-географических к историко-культурно-географическим ориентирам. Поэтому, в частности, в данной работе отдельный раздел объединяет народы как Северного, так и Южного Кавказа. Раздел «Народы Сибири и Дальнего Востока» помещен среди других «азиатских» тем» [7: 4–5].

Вообще-то, противники включения в учебники по этнологии этно-страноведческих разделов, о чем я писал выше, отчасти правы: этнокультурный облик многих народов мира изменяется настолько быстро и существенно, что такие разделы неизбежно устаревают. Однако оставить студентов без базовых знаний об этнографической истории, длившейся столетиями, а еще чаще и продолжающейся сегодня в каких-то своих пластах, тоже, наверное, было бы неправильно. Поэтому в данном томе речь может идти именно о доиндустриальной эпохе, но не о пресловутой «традиционной культуре» и о некоем мифическом «золотом веке» этнографии: «нетрадиционных» культур не бывает.

Этническая антропология. Том 3. Эволюция социальной организации и культуры народов Мира.

Предисловие.

Гл. 1. *Происхождение человека. Процессы антропогенеза и расогенеза.*

Гл. 2. *Расселение человека по территории ойкумены. Способы адаптации к окружающей среде.*

Гл. 3. *Развитие систем жизнеобеспечения и материальной культуры.*

Гл. 4. *Развитие форм социальной организации и соционормативной культуры.*

Период – от первобытной общины до ранних государств.

Гл. 5. *Ранние формы религии.*

Гл. 6. *Религиозная ситуация в современном мире.*

Гл. 7. *Возникновение и развитие духовных форм культуры.*

Фольклор, изобразительное искусство, музыка.

Гл. 8. *Этнические процессы.*

Глоссарий.

Этническая антропология. Том 4. Основные вехи этнолого-антропологической науки. От зарождения до современности.

Предисловие.

Главы 1 – ?

Глоссарий.

Общая логика четырехтомника выглядит так. Даются общие представления о дисциплине, затем краткое описание материала, с которым она имеет дело, затем речь идет о векторах и динамике развития различных сфер культуры и, наконец, об истории науки и ее основных коллизиях и методолого-теоретических тенденциях. Без первых трех томов внедрять в сознание студентов эти сюжеты и требовать их понимания, видимо, невозможно. И хотелось бы увидеть толковую *хрестоматию* к четвертому тому.

Литература

1. *Этнология: учебник* / под ред. Г.Е. Маркова, В.В. Пименова. М.: МГУ, 1994.
2. *Основы этнологии: учеб. пособие* / под ред. проф. В.В. Пименова. М.: МГУ, 2007.
3. *Антропологическая наука в высшей школе. Методические материалы к оригинальным авторским спецкурсам* / отв. ред. О.Ю. Артемова. М.: ИЭА РАН, 2006.
4. Белик А.А. *Культурология. Антропологические теории культур*. М.: РГГУ, 1998.
5. Жуковская Н.Л. *Монголия: мир кочевой культуры: Учеб. пособие. 2-е изд.* М.: РИОР: ИН-ФРА-М, 2014.
6. Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. *Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов*. М.: Издательство Московского университета, 2011.
7. Чешко С.В. *Этнология и социальная антропология: учеб. пособие для студ. учреждений высш. образования*. М.: Издательский центр «Академия», 2014.
8. Lewis, Herbert S. *In Defense of Anthropology: An Investigation of the Critique of Anthropology*. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey, 2014.
9. Чешко С.В. Перспективы и ретроспективы дисциплинарности в этнологии: новое или почти забытое старое? / *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии* / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 388–396.
10. Широкогоров С.М. *Место этнографии среди наук и классификация этносов*. Владивосток, 1922.

References

1. *Etnologija: uchebnik*. G.E. Markova, V.V. Pimenova (eds.). Moscow: MGU, 1994. (In Russ.) [*Ethnology: a textbook*. G.E. Markova, V.V. Pimenov (eds.). Moscow: MGU, 1994].
2. *Osnovy etnologii: ucheb. posobie*. V.V. Pimenova (ed.). Moscow: MGU, 2007. (In Russ.) [*Fundamentals of ethnology: studies. manual*. V.V. Pimenova (ed.). Moscow: Moscow State University, 2007].

3. *Antropologicheskaja nauka v vysshei shkole. Metodicheskie materialy k original'nyim avtorskim spetskursam*. O.Yu. Artemova (ed.). Moscow: IEA RAN, 2006. (In Russ.) [*Anthropological science in higher education. Methodical materials for the original author's special courses*. O.Yu. Artemova (ed.). Moscow: IEA RAS, 2006].
4. Belik A.A. *Kul'turologiia. Antropologicheskie teorii kul'tur*. Moscow: RGGU, 1998. (In Russ.) [Belik A.A. *Culturology. Anthropological theories of cultures*. Moscow: RGGU, 1998].
5. Zhukovskaia N.L. *Mongoliia: mir kochevoi kul'tury: Ucheb. posobie*. 2-e izd. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2014. (In Russ.) [Zhukovskaya N.L. *Mongolia: the world of nomadic culture: Textbook*. 2nd ed. Moscow: RIOR: INFRA-M, 2014].
6. Tishkov V.A., Shabaev Iu.P. *Etnopolitologiia: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlia vuzov*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2011. (In Russ.) [Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Ethnopolitology: political functions of ethnicity: A textbook for universities*. Moscow: Moscow University Press, 2011].
7. Cheshko S.V. *Etnologiia i sotsial'naia antropologiia: ucheb. posobie dlia stud. uchrezhdenii vyssh. obrazovaniia*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiia», 2014. (In Russ.) [Cheshko S.V. *Ethnology and social anthropology: studies. allowance for stud. institutions higher. education*. Moscow: Publishing Center «Academy», 2014].
8. Lewis, Herbert S. *In Defense of Anthropology: An Investigation of the Critique of Anthropology*. Transaction Publishers. New Brunswick, New Jersey, 2014.
9. Cheshko S.V. *Perspektivy i retrospektivy distsiplinarnosti v etnologii: novoe ili pochti zabytoe staroe? Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoi etnologii*. G.A. Komarova (ed.). Moscow: IEA RAN, 2016. (In Russ.) [Cheshko S.V. *Perspectives and retrospectives of disciplinary ethnology: new or almost forgotten old? The phenomenon of interdisciplinarity in the national ethnology*. G.A. Komarov (ed.). Moscow: IEA RAS, 2016. Pp. 388–396].
10. Shirokogorov S.M. *Mesto etnografii sredi nauk i klassifikatsiia etnosov*. Vladivostok, 1922. (In Russ.) [Shirokogorov S.M. *The place of ethnography among the sciences and the classification of ethnic groups*. Vladivostok, 1922].

S.V. Cheshko. A Project of a textbook «Ethnic Anthropology»

The author turns to the task of creating a high-quality textbook on ethnology that is relevant for domestic science. In the context of this task, he considers some important problems in the development of ethnological and anthropological disciplines, which he proposes to unite with the concept of «ethnic anthropology».

The article outlines the principles for constructing a (four-volume) textbook, taking into account the national traditions of higher education and academic science, modern world trends, provides an approximate structure of the publication. The article is intended for discussion by colleagues.

Key words: *ethnic anthropology, student learning, teaching aids.*